

Л.И. Шелепова

История русского слова и диалектные источники ее реконструкции

История русского слова является объектом двух взаимосвязанных научных дисциплин – исторической лексикологии и этимологии, проблематика которых отличается широтой и многообразием. Так, историческая лексикология, по мнению Ф.П. Филина, должна «показать, каковы были истоки словарного состава языка во всем его объеме еще в дописьменную эпоху, какими были инновации лексики этого языка после его обособления от других родственных языков, включая новообразования на унаследованной лексической базе и заимствования, чем отличался возникший язык от других родственных соседей, каким было его диалектное членение, какие процессы происходили в лексике и лексической семантике после возникновения и развития письменности, непрерывные изменения (обогащение из разных источников и отмирание архаизмов), имевшие место в течение столетий вплоть до нашего времени во всех разновидностях языка, письменного и устного. Нам должны быть известны основные закономерности, пути развития всего словарного состава языка от его начала до современного состояния. Более того, мы должны знать причины сложения каждого слова, время его возникновения, изменение его значений и оттенков значений, их связей со значениями других слов» [1, с. 15]. Не менее сложной (многоаспектной) является этимология, призванная при выяснении происхождения слова осуществлять комплексный его анализ «с учетом всех <...> сторон: формальной, семантической, исторической, географической, со стороны контекста, включая историю денотата» [2, с. 6].

Историческую лексикологию и этимологию при всей разности их задач и методов объединяет то, что объектом обеих наук является слово, изучаемое в диахроническом аспекте. Причем «общей тенденцией в развитии современной этимологии является ее расширение за счет включения наиболее важных этапов письменной истории слова» [3, с. 6]. А отправной точкой исторической интерпретации лексики во многих случаях являются этимологические сведения. Таким образом, историческая лексикология и этимология «тесно связаны

между собой, своими достижениями они взаимно питают и обогащают друг друга» (Л.В. Куркина) [4, с. 14]. При анализе некоторых лексических пластов «этимология и история употребления настолько тесно переплетаются, что оторвать их друг от друга невозможно» (Г.Ф. Одинцов) [4, с. 18].

Итак, объект исторической лексикологии и этимологии в общем виде может быть определен следующим образом: слово во всех его формальных и семантических изменениях со времени возникновения в языке (или первой фиксации) до наших дней и в его системных связях с другими лексемами.

В литературе неоднократно указывалось на невозможность восстановить историю слов, опираясь лишь на свидетельства памятников письменности. Причина тому – «довольно узкий спектр жанров письменной речи, обусловленный заметной тематической и функциональной ограниченностью памятников, особенно относящихся к древним эпохам, неполнота и случайность многих словесных фиксаций. Существеннейшие звенья семантической биографии многих слов, в особенности начальные, письменностью вообще не свидетельствуются» [5, с. 35]. Воссоздание полной («синтетической») истории слова (с реконструкцией его древнейшей формы и семантики, восстановлением промежуточных звеньев в фонетическом, словообразовательном и семантическом развитии, указанием времени их вхождения в письменный узус) возможно только с учетом показаний различных источников, среди которых немаловажное значение имеют данные живой народной речи (диалектов).

При использовании диалектных источников реконструкции истории слов методологическое значение имеет следующее рассуждение Н.И. Толстого, базирующееся на факте неравномерности развития говоров: «Нынешний славянский диалектный ландшафт в отношении многих явлений представляет собой нечто вроде развернутой в пространстве диахронии, в которой временная последовательность развития систем или их фрагментов манифестируется в территориальной проекции» [6, с. 342]. В связи с этим, главными из привлеченных

диалектных источников (словарей, картотек, записей живой речи) для нас явились те, которые отражают лексические данные русских говоров различных территорий. Это – «областнический» словарь В.И. Даля [7], сводный (полидиалектный) «Словарь русских народных говоров» [8] и его уникальная картотека, хранящаяся в Словарном секторе Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге.

Для анализа в заявленном ключе нами выбраны слова современного русского литературного языка, являющиеся с генетической точки зрения внутриязыковыми дериватами (достаточно поздними образованиями) с утраченной или затемненной внутренней формой, объяснение которых либо отсутствует в существующих этимологических и историко-этимологических словарях русского языка, либо по той или иной причине оказывается неполным. Представим из наших материалов ряд случаев реконструкции *деривационной истории* слова, под которой в данном случае понимается «совокупность структурно-семантических отношений производящих и производных основ (слов) не только звена, непосредственно участвовавшего в образовании этого слова, но и всех остальных звеньев, предшествовавших ему» [9, с. 21]. Деривационная история нижеследующих слов (*бередить*, *назойливый*, *обаятельный*, *повадка*) строится с учетом важнейших особенностей русского словопроизводства:

1) образование слов русского языка характеризуется ступенчатостью, проявляющейся в том, что «в процессе словопорождения аффиксы присоединяются к непроемкой основе-корню в строгой последовательности по законам нанизывания их на корень слова» [9, с. 276];

2) многие глаголы в русском языке представляют собой вторичные образования от отглагольных имен, возникшие по словообразовательной модели: «глагол – имя – глагол» (*гнати* – *гной* – *гноити*, *грохати* – *грохот* – *грохотати*, *трепати* – *трепет* – *трепета-ти* и т.п.) [10, с. 245–247]; различные исторические процессы (утрата в языке первообразного глагола, изменение значения основы при переходе от глагольной основы в имя и далее в глагол) приводят в ряде случаев к нарушению исконных структурно-семантических связей ряда «глагол – имя – глагол», к восстановлению мнимой деривации: вторичный глагол – имя [11, с. 108];

3) тождественность приставок имен существительных приставкам соотносительных глаголов подтверждает отглагольное происхож-

дение соответствующих имен, так как чистая префиксация внутри существительного практически отсутствует [12, с. 278; 13, с. 18].

Берeditь

Данная лексическая единица, отмечаемая в словарях с 1847 г. [14, с. 488], является переформлением древнерусского глагола *вередити* [15, с. 62], который встречается, в частности, в Изборнике 1076 г. в значении «наносить увечья, калечить; повреждать» [16, с. 392]. Этот глагол (в форме *вередить*) широко распространен в русских народных говорах в значениях: «причинять вред, вредить», «ушибать (руку, ногу и т.п.)», «портить что-либо», «налагать или заставлять поднимать тяжести сверх сил» [8]. Глагол *вередить* (<*вередити*) – дериват от существительного *вередъ*, которое отмечается в древнерусских текстах как в прямом («болезнь; нарыв, гнойник»), так и переносном («вред, зло») значениях [16, с. 392–393]. В русских говорах слово *в́еред* имеет следующие значения: «нарыв, гнойник, фурункул», «большой чирей и вообще рана», «струп», «болезнь, вызванная поднятием больших тяжестей» [8]. Древнейшее значение праславянского **verdъ*, связанное с болезненным состоянием организма («нарыв, язва, рана»), сохранено всеми славянскими языками и мотивируется этимологическим значением «возвышаться, увеличиваться» (ср. в древнеиндийском языке *vardhati* – «растет, увеличивается») [17]. В объяснении нуждается фонетическое преобразование /в/ > /б/ (*вередить* > *бередить*), в котором, возможно, отразилось такое диалектное явление, как неотработанность зубной артикуляции для /в/ в говорах, знавших некогда только губное (билабиальное) /w/. Именно в этом В.В. Колесов видит причину смещения в архаическом слое архангельских говоров /в/ «с артикуляторно самым близким, но определенно губно-губным /б/: чай за[бo]рила, [бo]зле бочки, он там жи[бo]т, [Ба]лька, за[бo]ра «завора» <...>» [18, с. 51].

Назойливый

Анализируемое прилагательное в письменных источниках отражается с 1731 г. [19, с. 357]. Полагаем, что в его основе лежит глагол *зеть*, отмеченный в костромских говорах в значении «петь» [8]. Более же древнее значение данного глагола, видимо, – «раскрывать рот, зевать». В подтверждение этого можно привести зафиксированные И.И. Срезневским древние

формы: *зѣти*, *зіяти*, *зияти* – «раскрывать рот; зевать» [20, стлб. 980; 1014]. На этимологическую связь прилагательного *назойливый* с глаголом *зиять* указал еще А.Г. Преображенский, предположив здесь индоевропейский корень (этимон) *ghei – «зиять, быть пустым» [15, с. 628].

От глагола *зеть* (<*зѣти*) образовалось существительное *зой*, которое, судя по данным исторических словарей русского языка, не попало на страницы памятников письменности XI–XVII вв., но фиксируется, начиная с середины XIX в., в русских диалектах с разнообразными взаимосвязанными значениями: «крик, шум», «спор, ссора, драка», «громкий собачий лай», «отголосок, эхо», «о маленьком, веселом ребенке», «нахал», «о том, кто вечно хлопочет, досаждаёт другим своими хлопотами» [8]. *Зѣти* > *зой* подобно тому, как *znѣti > *зной* [17] и, возможно, *rѣti > *рой*.

Существительное *зой* явилось производящим для глагола *зѣть*, записанного в севернорусских говорах во 2-й половине XIX в. в значениях: «громко говорить, кричать, ругаться», «громко стонать, охать» [8]. *Зой*, кроме *зѣть*, дало еще такие диалектные производные, как *зѣнный* – «шумный, крикливый», «беспокойный, суетливый, хлопотливый» и *зойливый* – «назойливый» [8].

Следующим этапом в словообразовательном развитии прилагательного *назойливый* явился глагол *назѣть*, произведенный от *зѣть* способом префиксации (префикс *на-*) и записанный в ярославских говорах в конце XIX в. со значением (предположительно) «норовить» [8]. Дериват *зѣться* (также образованный от глагола *зѣть*) в говорах зафиксирован в значениях: «жить не в ладу, задираться, ссориться», «шалить, резвиться», «хлопотать» [8].

От глагола *назѣть* произведено диалектное существительное *назѣй* – «неотступность, настойчивость; наглая требовательность» [8], от которого, в свою очередь, были образованы прилагательные: *назойливый* (известное сейчас в литературном языке) и *назѣнный*, *назѣстый* – «назойливый», записанные в русских говорах [8].

Таким образом, реконструируется (моделируется) словообразовательная цепь, звеньями которой по преимуществу являются диалектные слова: *зѣти* (*зеть*) > *зой* > *зѣть* > *назѣть* > *назой* > *назойливый*.

Существенно отметить, что с помощью лексического материала говоров можно подтвердить и предполагаемое семантическое развитие анализируемого прилагательного (методом

семантических параллелей). Так, к развитию значения «раскрывать рот, зевать» «крик, шум» (*зеть зой зѣть*) ср. в говорах: *жерелѣ* – «открытый рот, пасть» и «крикливый, обычно глупый человек»; *жерелѣть* – «кричать, браниться»; *жерелѣстый* – «с большим, широким отверстием» и «обладающий крикливым, слишком сильным голосом», а также «склонный к ссоре, брани» [8]. К развитию значения «шуметь, кричать» > «быть назойливым» (*зѣть* > *назой* > *назойливый*) ср. диал. *бѣторовый* – «очень шумный» и «надоедливый, назойливый» [8].

Обаятельный

Прилагательное *обаятельный* также относится к числу поздних образований в русском языке: по словарям известно с 1847 г. [9, с. 584]. Является производным от существительного *обаятель*, которое В.И. Даль толкует следующим образом: «чародей, колдун; умеющий овладеть умом и волею другого, очаровать его» [7]. Существительное *обаятель*, в свою очередь, могло быть произведено от глагола *обаять*, который фиксируется в русских говорах с разными значениями, в том числе и со значением, близким к этимологическому, – «увлечь, очаровать разговорами» [8]. *Обаять* – префиксальный дериват от глагола *баяти*, который в древнерусских текстах встречается в значении «выдумывать, рассказывать (сказки, небылицы)» [6, с. 107], а в русских диалектах (в форме *бáять*) – в значении «говорить» [7]. «Местами, – пишет В.И. Даль о диалектном глаголе *бáять*, – употребляется в старинном значении «шептать, знахарить, заговаривать» [7]. С тем же кругом значений («говорить», «рассказывать», «заговаривать, лечить») глагол *бáять* (*bajati) отмечается в других славянских языках. Например, в болгарском языке *бáя* – «шептать заговоры, заклинания (о знахаре, колдуне)», «рассказывать», в сербохорватском – *bájati* – колдовать, ворожить, заговаривать (болезнь, горе)», в словенском *vajati* – «болтать», «предсказывать», «гадать», «заговаривать, ворожить, колдовать», в чешском *bájeti* – «болтать, говорить небылицы» и тд [21, с. 137]. Родственные формы в индоевропейских языках выявляются со значениями «слово», «голос», «говорить». Например, в армянском языке *van* – «слово», в греческом *φωνή* – «говорить», *φωνή* – «голос», в латинском *fari* – «говорить», в древнеиндийском *bhámati* – «говорит» и тп. [21, с. 138]. Таким образом, возникновение русского прилагательного *обаятельный*

(по этимологическому смыслу – «очаровывающий словом») связано с представлением о магической, чудодейственной силе слова. Словообразовательный процесс, в результате которого образовалось прилагательное *обаятельный*, восстанавливается следующим образом: *баяти* (*баять*) > *обаять* > *обаятель* > *обаятельный*.

Повадка

Древнейшая фиксация существительного *повадка* «привычка» относится к XVII в. [22]. Непосредственным производящим для него явилось существительное *повада*, отсутствующее в исторических словарях русского языка, но зафиксированное в разнообразных значениях (в том числе в значении «наклонность, привычка») в диалектных источниках [8]. *Повадка* точно так же образовалось от *повада*, как, например, *будка* от *буда*, *вешалка* от *вешала*, *косынка* от *косыня* и т.п. *Повада* – отглагольное образование от *повадити*, отмеченного в памятниках письменности XV в. в значениях «склонить, побудить к чему-либо, подстрекнуть» и «пригласить, призвать; пожелать» [22], которое, в свою очередь, является префиксальным производным от *вадити* – «звать, приглашать», «привлекать на свою сторону; прельщать, соблазнять», представленного в памятниках пись-

менности XVI в. [22] и засвидетельствованного (в форме *вадить*) в говорах [7–8]. В диалектах отмечаются и другие дериваты от *вадить* (не зафиксированные в памятниках древней письменности и исторических словарях русского языка): *вадиться* – «привыкать постоянно, часто делать что-либо; приучаться к чему-либо», *вада* – «поблажка, послабление, потачка», «наклонность, привычка, повада, страстишка», *вадкий* и *вадный* – «соблазнительный, повадчивый» [8]. Таким образом, историю анализируемого существительного можно представить в виде следующей словообразовательной цепи: *вадити* > *повадити* > *повада* > *повадка*.

В заключение отметим следующее. Русские диалекты во все времена являлись одним из основных источников пополнения словарного состава литературного языка. Слова приходили из диалектов в огласовке, обусловленной особенностями фонетической системы говоров; рвались их связи с исконной лексико-семантической группой, словообразовательным гнездом, что нередко являлось причиной деэтимологизации бывших диалектизмов. Восстановить прежние смысловые, словообразовательные связи, этапы в историческом развитии таких слов невозможно без широкого и последовательного привлечения материала из диалектных источников, доказательству чего и была посвящена настоящая статья.

Литература

1. Филин Ф.П. Проблемы исторической лексикологии русского языка (древний период) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. М., 1983.
2. Гавлова Е. К методам этимологических исследований // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тезисы докладов. М., 1984.
3. Варбот Ж.Ж. Предисловие // Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. Т. 1. М., 1994.
4. Историческая лексикология и лексикография русского языка: Методические материалы в помощь студентам и преподавателям филологического факультета. Вологда, 1988.
5. Бабаева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания. 1997. №2.
6. Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1955.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–35. М.; Л., 1965–2001.
9. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка: Курс лекций. Самарканд, 1971.
10. Тальшккина С.Г. Развитие семантики первоначальной глагольной лексики при вторичном глагольном словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972.
11. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
12. Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
13. Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
14. Словарь современного русского литературного языка: В 20-ти т. Т. 1. М., 1991.
15. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2-х т. Т. 1. М., 1959.
16. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10-ти т. Т. 1. М., 1988.
17. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. Вып. 1–8. М., 1963–1982.
18. Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990.

19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. Т. 1. М., 1994.

20. Срезневский ИИ. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание: В 3-х т. Т. I. Ч. 2. М., 1989.

21. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1. М., 1974.

22. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–25. М., 1975–2000.